

Внутри эскалации

Россияне опасаются войны и на Западе, и на Востоке, и на Юге, и везде. И ментально к этому привыкли, надеясь выжить и даже победить — все равно кого

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

14:56, 5 декабря 2024,

Елена Панфилова

обозреватель «Новой газеты»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

То, что происходит в окружающем мире в последнее время, больше всего напоминает серый тягучий кисель с кровавой подливкой. События на украинском фронте провалились в осеннее-зимнюю распутицу, Россия медленно подавливает то тут, то там, в ответ противник огрызается. Все неспешно движется в макабрическом смертельном протяжном танце: вдруг беспилотники, ракеты и прилеты, вроде как дежурные, но от этого не менее смертоносные, а потом вдруг — массированные, разнонаправленные, жестокие и разрушающие. Все живет по какому-то своему отчасти рутинному расписанию и по какой-то как будто запрограммированной страшной логике.

Что в федеральных, что в телеграм-новостях сообщения о фронтовых продвижениях на километр вправо и на сто метров влево и про очередной разрушенный дом и новые отнятые жизни перемежаются рассуждениями о возможных заморозках-разморозках, о вариантах перемирия, к которому вроде как никто не готов и не стремится, но которое всем остальным так хочется. А также о том, что сейчас все подвисло в полутора-двух месяцах всякого закулисного бурления, где каждая сторона пытается застолбить свою позицию и по максимуму обозначить свои приоритеты,

а потом «Трамп придет, порядок наведет», чего все как-то то ли подсознательно, то ли осознанно очень ждут. Если приглядеться, то ждут почти как Деда Мороза.

А потом в какой-то день вдруг скорость переключается, разнообразный Запад вдруг дает разрешение на использование оружия, которое может долететь туда, куда раньше не могло, в

ответ активируется ранее принятая, но положенная до момента под сукно новая отечественная ядерная доктрина, позволяющая пулять куда угодно чем угодно ядерным при приблизительно любом случае, а потом откуда-то вылетает что-то большое и, по рассказам и картинкам, страшное и сияющее под названием «Орешник».

Все толкователи и комментаторы, все ленты, эфиры и интервью взрываются разговорами об обострении и растущей напряженности, а самым употребляемым словом в новостях становится «эскалация». Российский президент аж несколько раз специально выступает, улыбается хитро и какой-то особенно возбужденной скороговоркой рассказывает о чудо-оружии, которое все теперь изменит и от которого всем должно быть страшно-страшно.

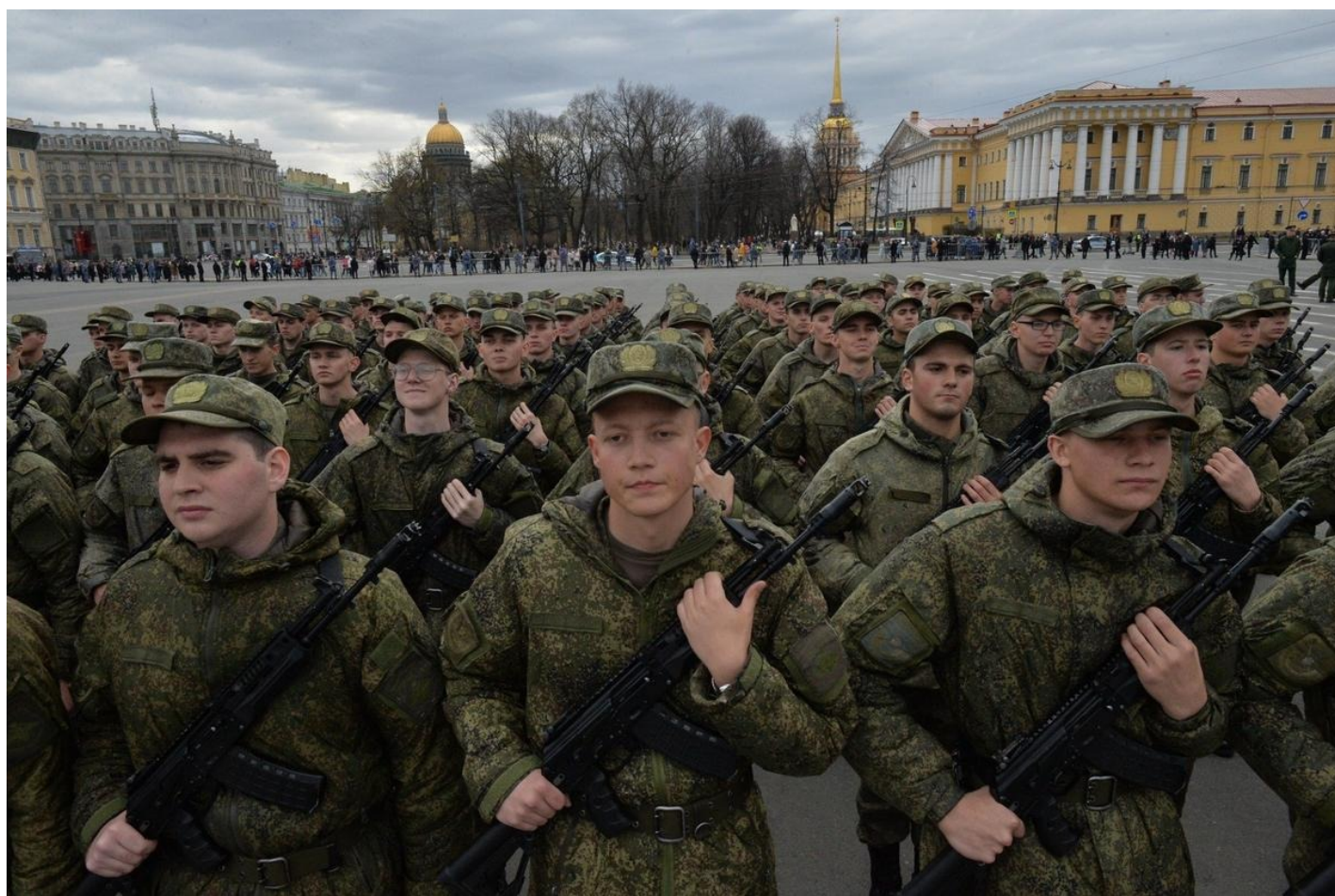

Фото: Андрей Бок / «Новая газета»

Не очень понятно, для кого конкретно была эта однократная

демонстрация, данная нам в видео с яркими, распадающимися на смертоносные части огнями и в рассказах про скорость в махах и про снаряжение в боеголовках. Но, возможно, для всех.

- **Для Запада**, чтобы придержал коней в помощи Украине и в миротворческом рвении и чтобы напрягся, поскольку вместо запретного ядерного воздействия асимметрично придумано такое вот по всем официальным параметрам конвенциональное, но при массированном использовании не менее разрушительное, пусть пока лишь только на словах.
- **Для украинцев**, чтобы еще сильнее напряглись в ожидании прилетов по инфраструктуре и всему, что вокруг нее, чтобы не спешили использовать предоставленное более мощное вооружение и вообще чтобы сильнее боялись, хотя, казалось бы, куда еще больше.
- **Для внутренней аудитории**, часть которой очень хочет и сейчас, и перманентно видеть и ощущать силу, гром и мощь российского оружия, разносящего и поражающего все вокруг, а также для другой части россиян, которая, притаившись, живет надеждой, что все это скоро закончится, что этот страшный этап в жизни страны пройдет: этим надо показать, что пройдет и не закончится, что все всерьез и даже серьезнее того, что, если надо это доказать, то будет и весь мир в труху.
- **А еще и для самой большой части населения страны, которая живет так, будто ничего не происходит**, которая лишь мельком просматривает ту часть новостей, которая о чем-то военном, а в основном погружена в быт и обычную жизнь. Для этой части рассказы про таинственный «Орешник» должны послать сообщение, что, с одной стороны, все под контролем и власть за всем бдит и во всеоружии, пусть оно и так странно называется (нет, действительно, кому пришло в голову называть грозное оружие не каким-нибудь там дубом или тиком, а по имени кустарника с, да, вкусными орехами, но из которого в основном лишь корзины да деревенские заборы плетут и шахматы, пеналы и карандаши

вытачивают). А с другой стороны, этой самой многочисленной, но пассивной и отстраненной от всего военного и политического части общества, видимо, решили напомнить, что помимо СВО может приключиться и настоящая война, чтобы, может, и не напрягались излишне, но и имели в виду.

А никто и не забывал и всегда держит это в голове. Когда наша «Лаборатория будущего» совместно с «Левада-центром»* готовила очередной регулярный опрос про то, чего военного опасаются в текущем моменте россияне, мы долго перебирали варианты: какая угроза в какой части света может обычного жителя страны пугать. И выяснилось, что в целом и общем россиян пугает возможность того, что Россия окажется втянутой в ту или иную войну того или иного масштаба, в той или иной части света. Всего лишь семь процентов опрошенных не сочли это опасностью.

Фото: Андрей Бок / «Новая газета»

В остальном же опасаются россияне войны и на Западе, и на Востоке, и на Юге, и везде. Отвечая на вопрос, какая опасность им кажется сегодня самой большой, они четко расставили приоритеты в порядке нарастания: возможность участия России в войне на Востоке с участием Китая, Кореи и других стран — шесть процентов; возможность участия России в войне на Ближнем Востоке с участием Израиля, Ирана и других стран — семь процентов; возможность участия России в войне в Европе с участием США, Англии, Германии и других стран — двадцать семь процентов; возможность участия России в мировой войне, которая охватит весь земной шар, — сорок четыре процента.

Оставим в стороне такую яркую и многоговорящую деталь, что почти тридцать процентов отвечавших как-то выпустили из вида, что Россия уже вовлечена в военные действия на территории пусть и Восточной, но Европы, и что к этим военным действиям самое прямое отношение имеют и США, и практически все европейские страны. Видимо, эта часть отвечавших как раз и находится под магией термина «СВО», а как войну в Европе представляет что-то похожее на то, о чем они читали в учебниках истории.

Но самое важное в полученных ответах то, что

три четверти опрошенных опасаются войны практически всех со всеми, включая саму Россию, и, судя по ответам на последующие вопросы, видят ее в этом действии отнюдь не на последних ролях.

Кроме того, любопытна деталь, больше всего — и большой войны в Европе, и глобальной мировой войны — опасаются

жители Москвы и Северо-Запада страны, имеющие высшее образование и доходы выше среднего, занимающие где бы то ни было руководящие должности или учащиеся где-то и в основном имеющие в качестве источника информации независимые медийные площадки и социальные сети. Это удобная для перепроверки группа, поскольку у нас она как раз под рукой, и мы могли сверить полученные в опросе результаты с информацией из первых уст.

Действительно, буквально стоило заговорить с несколькими приглашенными на кофе москвичами — руководителями среднего звена, как оно полилось само собой, стоило только прозвучать предложению обсудить то, что происходит и может произойти. Тут были жесткие слова про ту самую эскалацию, про то, что худшее и впереди, и очень возможно, про то, что «игра пошла по-крупному, и никто не будет отступать, а значит, некий катарсис неизбежен».

Пришлось спросить: думают ли, чувствуют ли они это так потому, что в целом все это напряжение и предчувствие висит перманентно в новостной повестке, или потому что нарисовался вдруг «Орешник» плюс сопутствующие ему обстоятельства. Ответы указали и на что-то вроде обреченности, и на некоторый явный невроз: наши собеседники полагают, что все зашло так далеко, что просто не видно каких-то реалистичных вариантов того, чтобы кто-то где-то ударил по тормозам и эскалация перестала бы нарастать. Все хором подтвердили, что надеются на это, но предполагают самые негативные варианты развития ситуации. Неизбежно пришлось спросить, а что же потом, если все сорвется в пике, и в ответ все еще больше помрачнели лицами, пожали плечами, засобирались стремительно и завершили нашу встречу, чем намекнули, что ничего хорошего тут не предполагается.

Мы как раз об этом же спросили наших респондентов в другой части нашего большого опроса, поставив вопрос ребром: если

Россия окажется втянута в некую большую войну, то чем это закончится. И в ответ получили и победоносные надежды, и все тот же невроз.

Фото: Андрей Бок / «Новая газета»

Что все может закончиться поражением России, предположил лишь один процент опрошенных; что большая война будет тянуться долго и в ней никто не сможет взять верх — девятнадцать процентов; что все закончится всеобщим уничтожением — двадцать восемь процентов; что Россия всех победит — сорок два процента, и аж десять процентов затруднились ответить. В текущих обстоятельствах это довольно естественная и объяснимая реакция — не иметь ответа на такой вопрос.

Но в целом в части перспективы большой войны картина, с точки зрения россиян, вырисовывается понятная: на первом месте — всеобщий кошмар и ужас (а именно так выглядит и

всеобщее уничтожение, и бесконечная, как чудовищные Первая и Вторая мировые, война), на втором — победа России, не важно над кем и как. Тут не совсем понятно как раз в части «как». Можно с высокой долей вероятности предположить, что большая часть из тех, кто выбрал вариант с победой России, имели в виду что-то вроде «все закончится, и все будет хорошо», но не без того, конечно, чтобы блеснуть патриотизмом, что тоже относится к естественным реакциям на подобный вопрос.

Как всегда, интересны несколько деталей, которые всегда проявляются, а особенно при ответах на такие заряженные возможными эмоциональными реакциями вопросы. Тут и преобладание ожидания всеобщего уничтожения: среди москвичей — сорок два процента против двадцати восьми в целом по стране; и как раз значительно меньшее ожидание того же среди учащейся молодежи — этот вариант набрал среди них всего восемнадцать процентов; а вот вариант затянутой бесконечной войны без победителей выбрали двадцать восемь процентов молодежи против общих девятнадцати, и ровно так же считают служащие. Это вряд ли о чем-то специфическом нам говорит, кроме того, что апокалиптические настроения свойственны жителям больших городов,

а молодежи проще представить что-то пусть страшное, но бесконечное, как сериал, чем то, что взрослые возьмут и уничтожат их настоящее и будущее одномоментным броском из ядерной пращи.

Наверное, задай мы эти же вопросы нашим респондентам три года назад, в начале декабря двадцать первого года, — когда напряжение предчувствия точно так же висело в воздухе, но когда заходил разговор о том, что тогда казалось эскалацией в

прямые военные действия, все тоже мрачнели лицом, пожимали плечами и старались увернуться от обсуждения, — то мы тогда бы получили совсем другие ответы, с уклоном в невозможность помыслить о возможности большой мировой войны.

Сегодня же, в сером вязком клейстере новостей и погод текущего декабря, всем нам совершенно не кажутся дикими ни обсуждения в мирных в былые времена чатиках характеристик носителей разделяющихся боеголовок, ни уведомления на двери подъезда о ближайших бомбоубежищах, ни готовность предположить возможность мирового военного противостояния, ни допущение того, что в ближайшее время все не закончится, а разовьется во что-то не только чудовищное, но и бесконечное.

Не известно, что страшнее, — то, что руководство твоей страны готово в любой момент поднять ставки в нависшем над миром напряжении на до сих пор невиданный уровень, или ментальная готовность живущих рядом сограждан попытаться выжить (и даже победить) в этом столь возможном, с их же точки зрения, безумии.

*Внесен властями РФ в реестр «иноагентов»

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Закрыв глаза на настоящее](#)

От зарплаты до мира. Горизонты планирования жителя России

10:12, 16 октября 2024, Елена Панфилова

Слон в коконе, а пауки запутались

О страхах неопределенности, апатии общества и истериках власти, которая никак не может объяснить, а зачем все то, что она делает, и чего ждать

10:18, 5 ноября 2024, Елена Панфилова